

СОНА СКОФИЛД

ГЕНЕРАЛ. *Невыносимый пациент*

Сона Скофилд

Генерал. Невыносимый пациент

«Автор»

2026

Скофилд С.

Генерал. Невыносимый пациент / С. Скофилд — «Автор», 2026

Мой новый пациент составил расписание лечения раньше, чем я успела представиться. Генерал-майор Артем Корсаков собирался восстановиться после аварии в удобные ему сроки. От меня требовалось подстроиться. Пришлось его разочаровать. Он спорил, торопил события и смотрел так, что я слишком часто вспоминала: под белым халатом я все еще женщина. Но пока Корсаков оставался моим пациентом, между нами могли быть только назначения. Я его выписала. Через несколько месяцев мы встретились снова. Без истории болезни и повода держать дистанцию этот мужчина оказался опасно хорош. Умел рассмешить, обнять так, что не хотелось уходить, и запомнить любую мелочь обо мне. Кроме одной: я не просила решать за меня. А он уже придумал наше будущее. И, кажется, забыл меня спросить.

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Особый пациент	5
Глава 2. Сроки не обсуждаются	16
Глава 3. Без свидетелей	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сона Скофилд

Генерал. Невыносимый пациент

Глава 1. Особый пациент

— Завтра предлагаю начать в семь, — сказал мой новый пациент. — До девяти закончим, и дальше я вам мешать не буду.

Я еще не успела представиться.

Мужчина сидел у окна, за небольшим столом. Перед ним лежали телефон, очки и раскрытый ежедневник. Соседнее кресло занимала дорожная сумка. Из бокового кармана торчала папка, остальные вещи он еще не распаковал. Два костыля были прислонены к стене в пределах вытянутой руки.

— Добрый день. Полина Викторовна Крылова, ваш врач.

— Знаю. Мне сказали. Артем Павлович.

Он чуть приподнялся, придерживаясь за край стола. Я остановилась возле свободного стула.

— Пожалуйста, оставайтесь на месте.

Корсаков сел обратно. Правую ногу он держал вытянутой вперед, левую поставил ближе к креслу. На лице ничего не изменилось, только пальцы еще несколько секунд сжимали столешницу.

— Можно? — Я указала на стул.

Он кивнул и развернул ко мне ежедневник.

На понедельник, двадцать четвертое марта, было отведено полстраницы. Остальную занимала таблица, расчерченная от руки. Утро, день, вечер. Даже линейка нашлась.

— Я примерно прикинул, — объяснил он. — С семи до девяти ваши занятия. С девяти до часа мне нужен свободный промежуток. После обеда можно продолжить, если потребуется. По выходным у вас тоже работают?

— Работают. Но сначала мне нужно вас осмотреть и поговорить с вами. С расписанием разберемся после.

— Документы вам передали?

— Да. Я их прочитала.

— Там достаточно подробно.

Я положила папку на колени.

— В документах написано, что произошло с ногой. А мне нужно узнать, как вы сейчас с ней живете.

Он смотрел на меня, пока я устраивалась на стуле и доставала ручку. Я ощутила желание поправить выбившуюся из хвоста прядь и оставила ее в покое.

В выписке стояло: сорок семь лет. Вблизи возраст был замечен по глубоким складкам у рта, седине над ушами, тонкой сетке морщин возле глаз. При этом сутулиться Артем Павлович, видимо, не умел даже в кресле. Серая футболка натягивалась на плечах; темные спортивные брюки были расстегнуты по боковому шву возле правого колена.

О звании меня предупредили еще на утренней планерке. Генерал-майор, руководящая работа в системе военного образования. Особых условий он, как сообщил администратор, не требовал. Попросил только хороший интернет, тихую палату и возможность согласовать режим.

Последнее, похоже, каждый из нас понимал по-своему.

Авария произошла двенадцатого января. Корсаков ехал пассажиром; после столкновения его доставили в больницу с закрытым переломом верхнего отдела правой большеберцовой кости, затронувшим коленный сустав. Он перенес операцию. К нам, в подмосковное «Равновесие», приехал спустя десять недель после травмы, уже пройдя начальный этап восстановления. Последние дни перед поступлением провел дома.

В папке были выписки, результаты контрольных обследований, прежние рекомендации. Из них следовало, что торопиться с нагрузкой нельзя. Из его расписания — что времени на ограничения у него почти не осталось.

Я закрыла папку. Разбираться предстояло с обоими обстоятельствами: состоянием ноги и тем, как Артем Павлович собирался вернуть себе обычную жизнь.

— Что вас сейчас беспокоит сильнее всего? — спросила я.

— Нога не сгибается как следует. Хожу мало. Быстро устаю. Это тоже есть в выписке.

— А ночью?

— Ночью сплю.

— Просыпаетесь из-за боли?

— Бывает.

— Сегодня просыпались?

Он отвел взгляд к окну, за которым вдоль дорожки тянулась темная полоса подтаявшего снега.

— Два раза.

— Долго потом не могли уснуть?

— Полина Викторовна, если вы хотите пройти весь опросник, давайте пройдем. Только я хотел бы сначала понимать, когда мы начнем заниматься.

Ручка у меня в пальцах остановилась.

С таким нетерпением я встречалась часто. Люди ехали к нам после недель, проведенных в чужом расписании, и ожидали, что наконец начнут наверстывать потерянное. Разговоры, осмотры и еще одни вопросы про сон казались им задержкой перед настоящей работой.

— Сегодня, — ответила я. — После осмотра. Но если вы половину ночи не спали, мне это нужно учитывать.

— Я вполне работоспособен.

— Для занятий важно, сколько вы спали. И как действовало обезболивание.

Он помолчал, затем закрыл ежедневник, оставив между страницами указательный палец.

— Спал часов пять. В сумме. После второго раза уже не уснул, читал.

— Боль в покое сейчас есть?

— Терпимая.

— Я не сомневаюсь, что вы терпите. Насколько она сильная?

На этот раз он ответил сразу. Следующие вопросы тоже пошли легче. Я уточнила, как прошла дорога, какие движения давались ему хуже, чем помогали дома в последние дни перед приездом. Он отвечал коротко, иногда поправлял мои формулировки. Я записывала нужное и не спорила там, где это не имело значения.

— Кто был с вами дома?

— Дочь приезжала. Несколько дней жил мой приятель.

— Сейчас вы живете один?

— Да.

— До травмы тоже?

— Шесть лет. Справлялся.

— Спрашиваю, чтобы понимать, в какие условия вы будете возвращаться.

— Условия нормальные. Лифт, никаких лестниц. Все, что требовалось, переставили.

Я подняла на него глаза.

— Что именно переставили?

Он начал перечислять. Кресло из кабинета, прикроватную тумбу, стол на кухне. Говорил без раздражения, потому что здесь мог быть точным. На кухне теперь можно было развернуться с костылями. В ванной поставили нужное сиденье. Коврик в прихожей дочь убрала, хотя он считал это излишним.

— Как зовут дочь?

— Мария.

— Она будет приезжать сюда?

— Когда сможет. У нее работа.

В голосе впервые прозвучало что-то, кроме деловой настороженности. Я не стала развивать тему и вернулась к осмотру.

Корсаков слушал объяснения, задавал вопросы о том, что я собиралась делать. Это было удобно. Гораздо удобнее, чем покорное молчание, за которым потом обнаруживались страх, боль или полное непонимание происходящего.

Когда я попросила показать движение, которое особенно мешало ему садиться, он нахмурился.

— Я вам сейчас все испорчу.

— Что именно?

— Оптимистические ожидания.

— У меня пока рабочие.

Он впервые посмотрел на меня без вызова. На секунду уголок его рта дрогнул, и я поняла, что улыбка ему пошла бы. Если бы он решил потратить на нее чуть больше времени.

* * *

К половине двенадцатого мы закончили осмотр, и в палату пришел Кирилл Лапин, инструктор по лечебной физкультуре. Кирилл был немногословен, носил рабочую форму с вечно оттопыренным карманом и умел ждать ответа столько, сколько требовалось. В его присутствии даже самые торопливые пациенты через какое-то время переставали оправдываться за собственную медлительность.

Я коротко представила их друг другу.

— Посмотрим, как вы пересаживаетесь, — сказала я Корсакову. — Обычным для вас способом. Кирилл будет рядом.

— Я это делал сегодня уже раз десять.

— Тогда ничего нового.

Он убрал телефон с края стола, взял костыли и поднялся. Не рывком, как попытался при моем появлении, а осторожно, с заметной задержкой. Кирилл стоял рядом и не мешал. Я отошла, освобождая место.

Путь до кровати занял больше времени, чем, судя по лицу, рассчитывал Артем Павлович. На повороте он остановился. Правую ногу нужно было устроить удобнее, и привычного движения не получилось. Он попытался еще раз, сильнее сжал рукоятки костылей.

— Подождите, — спокойно сказал Кирилл. — Не спешим.

— Я не спешу.

У генерала выступили желваки. Кирилл чуть изменил положение, готовый помочь, но руки пока держал при себе.

В дверь постучали.

— Можно? Артем Павлович, у меня тут по оформлению...

Администратор уже приоткрыла дверь, держа перед собой планшет. Из коридора донеслись чужие голоса. Корсаков резко посмотрел туда.

— Сейчас осмотр, — сказала я. — Мы позовем, когда закончим.

— Там буквально одна подпись.

— После осмотра, пожалуйста.

Я закрыла дверь и повернулась обратно.

Артем Павлович уже сидел на кровати. Костыли Кирилл поставил сбоку. Шум из коридора стих, но пациент все еще сидел стиснув зубы.

— Хотите, поможем устроить ногу? — спросила я.

— Я сейчас.

Он потянулся к правой голени и замер. Я не стала заполнять паузу.

— Да, — наконец сказал он. — Помогите.

Мы помогли ему сменить положение. Я объяснила Кириллу, что заметила, уточнила у Артема Павловича ощущения. На вопросы он отвечал еще короче, чем до осмотра.

— Вам нужно немного передохнуть, — сказала я. — Через несколько минут продолжим разговор.

— Уже закончили?

— Эту часть — да.

— Получается, мое сегодняшнее занятие — дойти от кресла до кровати.

Он произнес это без повышения голоса, но Кирилл перестал делать пометки.

— Сегодня мы выясняем, что вы можете делать самостоятельно, где нужна помощь и как лучше построить занятия, — ответила я. — В том числе чтобы не тратить ваши силы на лишние попытки.

— Понятно.

По тону было слышно, что понятно ему совсем другое.

Я села на стул, оставшийся у окна. Кирилл убрал планшет под мышку.

— Я буду в зале, — сказал он. — Если понадобится, позовите.

— Хорошо, спасибо.

Когда за ним закрылась дверь, Корсаков провел ладонью по лицу.

— Не нужно было его отпускать. Я не собираюсь устраивать сцену.

— У него следующий пациент. А у меня есть время ответить на ваши вопросы.

За окном коротко зашумела машина. Я дождалась, пока Артем Павлович уберет руку от лица.

— Мне в предыдущем месте показывали упражнения. Я их делаю. Думал, здесь будет что-то... — Он запнулся и раздраженно махнул рукой. — Больше.

— Будет. Но я не стану добавлять нагрузку только потому, что вы приехали в новое место.

— Я не прошу меня загонять.

— Тогда давайте сегодня не будем торопиться с выводами. Вы провели утро в дороге, переехали в незнакомую палату. Мы посмотрели только часть того, что нужно.

Он слушал, глядя на край одеяла. На ткани осталась небольшая складка там, где он цеплялся пальцами, помогая себе сесть.

Я достала из папки лист с предварительным планом обследований и встреч. Он взял его, но читать сразу не стал.

— Мне нужно вернуться к работе седьмого апреля.

Вот и дата. Я предполагала, что она существует: слишком уверенно он делил завтрашний день на свободные и занятые часы.

— В каком объеме?

— В обычном.

— Что у вас входит в обычный день?

— По-разному. Документы, совещания, занятия, выезды.

— Долгая дорога? Лестницы? Несколько часов подряд сидя?

Он посмотрел на меня с усталой досадой.

— Если разобрать любой рабочий день на такие подробности, его вообще невозможно прожить.

— До травмы вы могли эти подробности не замечать. Сейчас они влияют на то, сколько у вас останется сил к обеду.

Корсаков взял со стола очки. Я подождала, пока он прочтет лист.

— У меня назначено мероприятие, — сказал он уже тише. — Готовили несколько месяцев. После аварии я и так все передал. Хотел хотя бы завершить нормально.

— Вас сейчас ждут лично?

— Я сказал, что постараюсь приехать.

— Это можно пересмотреть?

Он не ответил. За стеклами очков его взгляд стал совсем неподвижным.

Он провел больше двух месяцев вне привычной жизни и теперь ждал определенного понедельника, после которого все должно было наладиться. Мне предстояло объяснить, почему на эту дату нельзя рассчитывать, и предложить что-то взамен.

— Я не могу обещать вам обычный рабочий день седьмого апреля, — сказала я. — Сейчас. Давайте разберемся с тем, что можно будет делать и при каких условиях. Это будет конкретный разговор, но чуть позже, когда у нас появится больше информации.

— Чуть позже — это когда?

— Первые выводы команды обсудим с вами в среду. Если раньше потребуется что-то изменить, скажем раньше.

Он перевел взгляд на лист и нашел сегодняшнюю дату.

— Хорошо. В среду.

Это еще не было согласием со мной. Скорее он назначил мне срок, к которому ждал более полезного ответа. Но, по крайней мере, мы начали говорить об одном и том же.

Когда я поднялась, Корсаков посмотрел на дверь.

— Девушка с документами еще придет?

— Я скажу, что вы свободны. Вам сначала помочь вернуться к столу?

Он задержался с ответом, потом покачал головой.

— Пусть подойдет сюда. Я пока посижу.

На этот раз ему не понадобилось объяснять мне, что встать он, конечно, мог бы.

* * *

В ординаторской пахло кофе и разогретой гречкой. Нина Петровна стояла у принтера, придерживая ладонью крышку: без этого тот начинал возмущенно щелкать и отказывался выдавать бумагу.

— Как Корсаков? — спросила она.

— Хочет седьмого апреля вернуться к полному рабочему дню.

— А ко мне претензия, что в палате стул лишний.

— Тот, что у двери?

— Нет, тот, на котором сумка. Убрать его просил. Сумку в шкаф.

Я вспомнила тесный поворот между креслом и столом.

— Давайте уберем. Там и правда удобнее будет.

Нина Петровна достала наконец лист, проверила его и положила в папку.

— А я о чем. Сказал нормально, я нормально услышала. Потом подошла с вопросом про обед — он по телефону. Спросила позже — опять по телефону. В итоге решил, что ему и не надо.

— Совсем?

— Вот сейчас выясняем.

Она ушла, а я отодвинула от своего компьютера чужую кружку. На ручке висел чайный пакетик, под ней расплзлся мокрый круг. Я промокнула стол салфеткой и открыла карту.

Через несколько минут пришли Кирилл и Денис Игоревич Рудин. Рудин принес снимки, которые успел посмотреть к нашему разговору, и пачку хлебцев. Пачку положил между клавиатурой и мышью.

— Угощайтесь. У меня сегодня опять обед по частям.

Кирилл взял один хлебец. Я отказалась.

Мы обсудили осмотр, назначения из предыдущего места и то, на что следует обратить внимание сейчас. Рудин несколько раз уточнил детали. Я показала свои записи, Кирилл — свои. Никому не пришлось докладывать о генеральском характере. Для расписания и безопасности занятий имели значение другие вещи.

— С усилением пока не торопимся, — подытожил Рудин. — Посмотрю его сегодня сам. Послезавтра соберем результаты и поговорим вместе.

— Он ждет от среды ответа про возвращение к работе, — предупредила я.

— Ответим в той части, в которой можем.

— Я так и сказала.

Кирилл открыл график на планшете.

— Завтра совместная оценка в девять тридцать. У тебя получается?

Я проверила свои записи. В девять у меня был повторный осмотр в другой палате, в десять пятнадцать — консультация перед выпиской. Между ними оставалось как раз нужное время.

— Да.

— Тогда закрепляю.

Он постучал пальцем по экрану. Еще одна клетка в расписании стала занятой.

— Он хотел в семь, — сказала я.

Кирилл посмотрел на меня.

— Ты согласилась?

— Нет.

— Хорошо. А то я бы не пришел.

Он доел хлебец и пошел к двери, уже просматривая запись следующего пациента. Рудин задержался, чтобы спросить про женщину, которую мы вели с ним на прошлой неделе. Через пять минут я осталась одна.

На экране телефона появилось сообщение от Аси: «Ты ела?»

Я сфотографировала хлебцы.

Ответ пришел немедленно: «Это стройматериалы. Спускайся».

Я уже хотела закрыть карту, когда во внутреннем чате высветилась фамилия Назаровой. Елена Борисовна могла принять меня через десять минут, если я все еще хотела обсудить вечернее направление.

Хотела я этого с ноября.

«После главного», — написала я Асе.

Она прислала фотографию супа. На этот раз я не ответила.

Кабинет Назаровой находился в административном крыле. Между ним и нашим отделением был длинный переход с окнами в сад. Весной там всегда становилось жарко: батареи еще работали, солнце уже грело, а открыть окна почему-то никто не успевал. По пути я расстегнула верхнюю кнопку рабочей куртки и переложила распечатки в другую руку. На ладони осталась полоска от скрепки.

Елена Борисовна сидела за круглым столом, а не за своим рабочим, и это обнадеживало. На круглый она обычно выкладывала то, что собиралась обсуждать. С рабочего выдавала решения.

— Садись, Полин. Только у нас минут двадцать.

Мои таблицы уже лежали перед ней. На полях появились синие пометки, и я еще по дороге к стулу увидела обведенную строку с собственной фамилией.

— Я посмотрела, — сказала Назарова. — Потребность ты описала хорошо. По людям давай еще раз.

— Я считала на два вечера в неделю для начала.

— Это я вижу. Кто работает?

— Я, инструктор ЛФК, медсестра. Дальше в зависимости от того, кого берем.

— Ты у меня утром где?

Я положила свои листы на стол.

— На отделении.

— И вечером здесь же.

— Не каждый день.

Назарова кивнула, как будто именно этого ответа и ждала, и подвинула ко мне таблицу.

— Два длинных дня. Потом подготовка, звонки, записи. Это тоже время. Ты его куда положила?

Я посмотрела на обведенную фамилию.

В первом варианте под ней стояло «организация приема». Во втором я добавила «контроль маршрута». Третий отправила Елене Борисовне ночью, убедив себя, что дополнительные два вечера меня не убьют.

На бумаге все три варианта выглядели довольно аккуратно.

— У меня пока нет другой ставки, на которую можно опереться, — сказала я.

— Поэтому ты оперлась на себя.

— Кто-то должен начать.

— Начать можно. Мне нужно понять, как это будет работать в сентябре. И что будет, если ты заболеешь.

Я промолчала.

Вообще я болела редко. Обычно это звучало убедительно, пока не приходилось признавать, что почти каждый такой раз я все равно выходила на работу.

— Ко мне за последние две недели четверо обратились с одним вопросом, — сказала я. — Можно ли после шести. Не ночью, не в выходной, после шести. Люди вышли на работу, у них закончились больничные. Они готовы продолжать, но в середине дня не могут приехать.

— Я это понимаю.

— Ольга Сергеевна из двести шестой выписалась, помните? После выписки ее дочь брала отгулы, возила на занятия. Больше с работы не отпускают. Теперь привезти может только к вечеру. Они не от занятий отказываются. Они не могут до нас добраться.

— Полин, мне не нужно доказывать, что ты придумала полезную вещь.

Назарова сняла очки и потеряла переносицу. На столе завибрировал телефон, она перевернула его экраном вниз.

— Я бы с удовольствием открыла это направление. Но я должна назвать собственникам цену. Посчитать дополнительные часы работы центра, зарплаты. Мне нужно объяснить, что мы не разберем ради этого отделение, которое уже работает. А у тебя в расчете пока везде запасные руки. Чьи они?

На этот вопрос у меня был ответ: мои. Произносить его во второй раз я не стала.

Назарова взяла ручку и провела линию под последней строкой.

— Пересчитай смены. Может быть, нужно меньше пациентов на старте. Может быть, отдельный сотрудник на часть недели. Дай мне вариант, который можно оплатить и повторить. Тогда пойдем дальше.

Я посмотрела на две страницы, которые вчера дописывала почти до полуночи. Хотелось забрать их, выйти и хотя бы в коридоре позволить себе обидеться.

Вместо этого я спросила:

— До пятницы подойдет?

— Подойдет. И поговори с Ниной Петровной. Она тебе сразу покажет, где мы останемся без медсестры.

Я собрала листы. Уже у двери Назарова остановила меня:

— Корсаков как?

— Пока считает, что мы слишком медленно начинаем.

— Ты сама как считаешь?

— Что начинаем в нормальном темпе.

— Тогда работайте.

Никаких просьб быть с ним помягче или подстроить отделение она не добавила. За это я была ей благодарна. За синие круги на полях — пока не очень.

Обратно я шла медленнее. У окна перехода стояла женщина в расстегнутой куртке и терпеливо ждала, пока пожилой мужчина рядом с ней закончит говорить по телефону. На его ходунках висел пакет с тапочками. Они, кажется, уезжали домой.

Я отступила, чтобы дать им пройти, и снова достала телефон.

«Суп еще есть?»

Ася ответила: «Есть. И я пока тоже».

* * *

— Ну? — спросила она, когда я поставила поднос на стол.

— Пересчитать людей.

— Дала бы мне, я бы тебе вчера то же самое сказала.

— Ты врач или бухгалтер?

— Я подруга, которая видела тебя вчера вечером. Ты три раза спросила, что я сказала.

Я размешала сметану в супе. Суп был почти холодный, но от первой ложки стало заметно лучше.

Ася смотрела в телефон, набирая сообщение мужу. Потом развернула экран ко мне. На фотографии их дочь держала перед собой лист с нарисованной лошадью. У лошади было пять ног.

— Сказала, что одна запасная, — объяснила Ася. — На случай, если остальные устанут.

— Практично.

— Вот. Подрастающий специалист по твоим таблицам.

Я все-таки рассмеялась. Ася убрала телефон и подвинула мне тарелку с оставшимся куском хлеба.

— Ты можешь попросить ставку, — сказала она. — Прямо попросить. Тебе могут отказать, но от этого ты хуже врачом не станешь.

— Если сразу назвать полную сумму, мне скажут, что дорого.

— А если не назвать, ты будешь бесплатно работать по вечерам. И всем понравится.

Она произнесла это спокойно, не пытаясь немедленно переделать мою жизнь. От этого возразить было труднее.

— Я пересчитаю, — сказала я. — Она, в общем, не отказала.

— Конечно. Просто попросила, чтобы в проекте участвовала одна Полина. Сейчас их там сколько?

— Не считала.

— Вот с этого начни.

Я отломил хлеб и посмотрела в окно. За стеклом двое рабочих сгребали грязный снег с края парковки. После развода я купила квартиру на другой стороне Москвы, решив, что дорога будет терпимой. Тогда я много чего решала из расчета, что потерпеть нетрудно. Дорога, дополнительная смена, еще один отчет вечером. С квартирой, по крайней мере, все было понятно: она была моей, и я могла менять в ней что угодно, не начиная за три дня обсуждение цвета стены.

С работой границу я каждый раз проводила заново. Обычно уже после того, как ее переступала.

— Ты сегодня во сколько? — спросила Ася.

— Если без неожиданностей, в шесть выйду.

— Купи по дороге нормальной еды. Ты рассказывала, что у тебя в холодильнике одна горчица.

— Еще сыр.

— Сыр ты купила на прошлой неделе?

— Я проверю дату.

Она посмотрела на меня так, что я убрала последнее возражение вместе с ложкой.

— Хорошо. Куплю.

До конца обеда мы говорили про ее дочку и книгу, которую я обещала принести. Совсем обычные пятнадцать минут. Когда я поднялась из-за стола, синие пометки Назаровой уже не казались окончательным приговором.

Я вернулась в отделение, отнесла расчеты Нине Петровне и попросила посмотреть их, когда у нее появится время. Она не стала обещать немедленно. Сказала, что завтра после обеда сможет сесть со мной на полчаса.

Я записала это в календарь, чтобы не забыть и не заставлять ее искать меня между палатами.

* * *

К Корсакову я вернулась без четверти шесть.

В палате уже убрали лишнее кресло. Сумка исчезла в шкафу, костыли стояли возле кровати. На столе лежали очки и тот же ежедневник, только теперь поверх него был мой лист с предварительным планом.

Сам Артем Павлович сидел на кровати, опираясь на поднятое изголовье. Когда я вошла, он коротко сказал в телефон:

— Сейчас не могу. Позже.

И отключился.

Я уточнила, как он чувствовал себя после осмотра Рудина, появились ли новые жалобы, удалось ли отдохнуть. На этот раз ответы были заметно подробнее. Может быть, он устал сопротивляться каждому вопросу. А может быть, я перестала казаться человеком, который пришел занять его время.

— Обедали? — спросила я под конец.

— Да. С вашей Ниной Петровной опасно спорить.

— Что случилось?

— Ничего. Попросил принести попозже. Она уточнила время, принесла. Пришлось поесть.

Последние слова он произнес почти серьезно. Я улыбнулась и спрятала ручку в карман.

— Завтра в девять тридцать мы с Кириллом продолжим. Расписание основных встреч вам принесут. Если по состоянию потребуется что-то менять, предупредим.

Корсаков потянулся к ежедневнику.

— Вот об этом я и хотел поговорить. У меня в девять тридцать видеосовещание. На полчаса, максимум сорок минут. Давайте в десять пятнадцать.

— В десять пятнадцать я занята.

— На сколько?

— Артем Павлович, сейчас посмотрим реальные варианты. Я помню, вы говорили про утро, но с Кириллом вместе раньше мы не можем.

Я открыла рабочее расписание на планшете. Во второй половине дня у нас совпадал еще один свободный промежуток, который утром был занят консультацией. Пациент перенес приезд.

— Есть половина третьего. Либо оставляем половину десятого. Вам как удобнее?

Он несколько секунд рассматривал свой ежедневник.

— В два разговор с коллегами. Там сдвигать сложно.

— А утренний?

— Я как раз и хотел его закончить к вашему приходу.

Мне тоже хотелось закончить собственный день к шести. На экране телефона уже лежало уведомление о пробке на выезде, впереди были дорога и магазин. Я поймала себя на том, что начинаю раздражаться на пациента за вещи, к которым он отношения не имел, и убрала телефон под планшет.

— В десять пятнадцать меня ждет другой человек. И у Кирилла свои занятия. Передвинуть только наш с вами разговор не получится.

— Я понял. Не надо мне каждый раз объяснять, что у вас есть другие пациенты.

— Хорошо. Тогда выберите из двух вариантов. Если сейчас не можете решить, сообщите до восьми тридцати завтра. Через пост.

Он посмотрел на меня, потом на часы над дверью.

— Вы уходите?

— Да, у меня заканчивается рабочий день.

— Понятно.

Корсаков закрыл ежедневник, не сделав в нем ни одной пометки.

— Завтра скажу.

— Договорились.

Я направилась к двери и уже взялась за ручку, когда он добавил:

— Я не собираюсь проводить здесь весь день в телефоне.

Я обернулась.

Он смотрел на черный экран, лежавший рядом с бедром.

— Просто есть несколько вещей, которые пока не получается полностью передать. Люди спрашивают. Я отвечаю.

— Вы и сможете отвечать. Нам только нужно оставить время, когда вас никто не отвлекает.

— Вам легко сказать.

— Сказать действительно легко.

Он поднял глаза. Я почувствовала, что сейчас он ждал от меня продолжения: наставления, еще одного объяснения, почему ему следует быть разумнее. Но я не знала, как перестать отвечать людям, которые привыкли, что ты всегда на связи. Мне самой нужно было этому учиться.

— До завтра, Артем Павлович.

— До завтра.

На посту я предупредила Нину Петровну о двух возможных вариантах и попросила утром сообщить мне его решение. Затем дописала карту, переоделась и наконец вышла из центра.

В машине пахло влажным пальто. Я уронила сумку на пассажирское сиденье, села и несколько секунд смотрела на лобовое стекло, покрытое мелкими каплями. На стоянке зажглись фонари. До дома навигатор обещал час двадцать.

Рука сама потянулась открыть на телефоне таблицу для Назаровой. Я остановилась, пристегнула ремень и сначала нашла по дороге магазин.

Хотя бы ужин сегодня стоило устроить нормально.

* * *

Во вторник утром я вошла в отделение с пакетом выстиранной рабочей формы и книгой для Асиной дочки. Про книгу вспомнила уже в лифте: обещала принести ее еще на прошлой неделе.

В половине девятого на пост позвонил Корсаков. Нина Петровна передала, что он оставляет утреннее время. Я внесла это в расписание, подтвердила Кириллу и пошла на первый осмотр.

Когда в девять двадцать восемь я постучала в палату генерала, из-за двери сразу ответили:

— Входите.

Он сидел у стола, одетый для занятия. Дорожная сумка больше не занимала чужого места, а мой вчерашний лист лежал рядом с ежедневником.

Артем Павлович поднял ладонь, показывая, что ему нужна секунда, и договорил в телефон:

— Нет, Глеб, без меня. Вопросы пришлите, после обеда посмотрю. Доклад у тебя есть.

Он выслушал ответ, мельком взглянул на часы.

— Не подключаюсь. У меня сейчас занятие.

Положив телефон, он некоторое время смотрел на него. Я не торопилась подходить, дала ему закончить. Наконец Корсаков выключил звук и убрал телефон в ящик стола.

— Все, — сказал он. — Я готов.

В дверь заглянул Кирилл. Поздоровался, вошел и поставил планшет на свободный край стола.

Я села рядом и открыла карту.

— Как прошла ночь?

Корсаков выдохнул, но спорить с вопросом не стал.

— В три проснулся. Потом долго лежал. Давайте я расскажу по порядку.

Глава 2. Сроки не обсуждаются

В среду Корсаков встретил меня словами:

— Только не отменяйте все сразу.

Я остановилась на пороге. На тумбочке остывал завтрак, телефон лежал экраном вниз, а сам Артем Павлович сидел на краю кровати в одной футболке и шортах. Правую ногу он устроил на подставке. Нина Петровна, стоявшая у шкафа, посмотрела на меня и едва заметно покачала головой.

— Доброе утро, — сказала я. — Что случилось?

— Немного болит.

— Сильнее, чем вчера?

— Да.

— Когда началось?

Он помедлил.

— Ночью.

Я положила папку на стол, вымыла руки и приступила к осмотру. Несколько минут мы разговаривали только о том, что он чувствовал. Нина Петровна уточнила сведения о ночных обращениях. Оказалось, первый раз он вызвал сестру после четырех, хотя, по его собственным словам, не спал уже с двух.

— Почему не позвали раньше?

— Думал, пройдет.

— А потом?

— Потом понял, что не проходит.

Он произнес это резко. Нина Петровна посмотрела на часы.

— Я приглашу Дениса Игоревича.

— Не нужно собирать консилиум, — сказал Корсаков. — Я ногу не ломал второй раз.

— Мы это проверим, — ответила я. — И решим, как провести сегодняшний день.

Нина Петровна вышла. Артем Павлович подождал, пока закроется дверь, и перевел взгляд на меня.

— Она сердится.

— На что?

— На меня. С утра спросила, зачем я вообще сюда приехал.

— А вы что ответили?

— Неудачно.

Я не стала вытягивать из него точную формулировку. Сначала требовалось понять, что произошло с ногой.

Вчера во время занятий он сотрудничал, задавал вопросы, не торопил Кирилла. Вечером показатели были привычными для его состояния, и жалоб на усиление боли не было. Сейчас картина изменилась. Нельзя было просто назвать пациента упрямым, прочесть нотацию и разойтись.

— После занятий куда-нибудь выходили?

— По коридору.

— С кем?

— Один. До окна и обратно. Как показывали.

— Один раз?

Он посмотрел на мой бейдж, словно забыл имя и хотел убедиться, что разговаривает с нужным врачом.

— Несколько.

— Сколько именно?

— Не считал.

— А по времени?

— Полина Викторовна, я не бегал. Медленно прошелся. Потом отдохнул. Потом еще раз. Я присела, чтобы нам не приходилось разговаривать сверху вниз.

— Кроме этого что-нибудь делали?

Он потер ладонью затылок.

— Повторил часть занятий. В палате.

— То, что вам разрешили самостоятельно, или остальное тоже?

— Я понял. Сам виноват. Можем перейти к тому, что теперь делать?

— Для этого мне нужно знать, что было вчера. Я не спрашиваю, чтобы записать вам выговор.

Артем Павлович отвел глаза. Потом все-таки рассказал. Во время звонка ему пришлось долго ждать подключения коллег, и он решил использовать паузу. После ужина повторил еще кое-что: днем, как ему казалось, получалось хуже. Когда начало тянуть ногу, сел. Потом снова встал проверить, прошло ли.

Слушая его, я мысленно восстанавливала вечер. Каждое отдельное действие могло казаться незначительным. Вместе они сложились в нагрузку, о которой команда ничего не знала.

— Кирилл объяснял, что можно повторять без него?

— Объяснял.

— И вы поняли?

— Понял.

Он поднял голову.

— Вчера было лучше. Я впервые почувствовал, что могу чуть больше. Мне хотелось закрепить.

В этой фразе раздражения уже не было. Он говорил с той усталой честностью, которая обычно появлялась после бессонной ночи, когда сил защищаться оставалось меньше.

— Я понимаю, — сказала я. — Но нам нужно учитывать все, что вы делаете за день. Даже то, что кажется мелочью. Сейчас дождемся Рудина и разберемся.

В дверь постучали. Денис Игоревич пришел без спешки, поздоровался, спросил несколько вещей, которые уже спрашивала я. Корсаков на этот раз не сообщил, что все есть в карте. Отвечал, показывал, где болело, слушал пояснения.

Мы договорились о необходимой проверке и изменили утренний план. Когда Рудин вышел, Артем Павлович взял телефон.

— Мне нужно предупредить человека.

— Конечно.

Он набрал номер, выслушал длинные гудки.

— Глеб, сегодня не получится. Нет, сюда приезжать не надо. Перенесем.

На другом конце ответили что-то, от чего он сжал губы.

— Я слышу, что документы у тебя. Пусть пока побудут. Потом заберу.

Закончив разговор, он положил телефон рядом с завтраком.

— Вот и освободился день, — сказал он.

Я не ответила. Любая попытка пошутить сейчас прозвучала бы жестоко.

* * *

К обеду у нас появилась возможность говорить спокойнее. Осмотр и проведенная проверка не дали оснований считать, что произошло новое повреждение, требующее экстренного

вмешательства. При этом усиление боли было настоящим, и делать вид, будто ничего не случилось, мы не собирались.

Рудин объяснил Артему Павловичу дальнейший порядок. Тот задавал вопросы по существу, хотя на словах о временном изменении нагрузки снова нахмурился.

— На сколько дней?

— Будем смотреть по состоянию, — ответил Денис Игоревич. — Сегодня уже понятно, что форсировать не будем. Завтра оценим еще раз.

— То есть я вернулся к началу.

— Нет. Но сегодня вы чувствуете себя хуже, и это нужно учитывать.

Корсаков откинулся на подушку. Мне показалось, он хотел возразить, но вместо этого спросил:

— Самостоятельные занятия пока все убрать?

Мы уточнили, что оставалось в его плане и что менялось. Рудин попросил повторить договоренности своими словами. Артем Павлович посмотрел на него с недовольством, однако повторил.

После ухода травматолога я задержалась, чтобы закончить записи. В палате стало тихо. За окном мужчина в рабочей куртке пытался закрыть крышку мусорного контейнера: мешок мешал, крышка подсакивала. Корсаков следил за ним, не поворачивая головы.

— Скажите честно, — начал он. — Вы часто видите таких дураков?

Я положила ручку.

— Людей, которые хотят быстрее восстановиться, — часто.

— А которые делают хуже сами себе?

— Тоже.

Он коротко усмехнулся.

— Утешили.

— Вы просили честно.

Несколько секунд он молчал. Потом посмотрел на меня, и я увидела, насколько он устал. Под глазами залегли тени. Щетина, которой я раньше почти не замечала, отчетливо проступила на подбородке.

— Мне всю жизнь говорили: мало работаешь — мало получается. Я и другим это говорил.

— Иногда так и есть.

— А здесь, получается, надо вовремя остановиться.

— Здесь нужно делать то, что подходит вам сейчас. И останавливаться тоже.

Я собрала бумаги. У двери он окликнул меня:

— Нину Петровну можно попросить зайти? Когда будет свободна.

— Передам.

Я не спросила зачем. Через полчаса увидела их возле поста: Корсакова везли на запланированную процедуру, Нина Петровна стояла рядом с коляской. Он что-то говорил, она слушала, слегка наклонив голову. Потом кивнула и поправила край пледа, который сползал к колесу.

Позже, когда мы остались вдвоем в ординаторской, она сказала:

— Извинился.

— За утро?

— За утро. Я ему тоже сказала, что зря спросила, зачем он приехал. Рассердилась.

Она поставила передо мной вчерашние расчеты. Красным были выделены четыре клетки.

— А теперь давай про нас. Тут у тебя одновременно три места работы для одного человека.

Мы сели рядом. Нина Петровна не стала объяснять мне, что я плохо считала. Просто назвала фамилии, смены, отпуска, больничные. За каждой пустой клеткой нашелся живой человек, который к вечеру уставал, ехал за ребенком или работал в другом месте.

— Я думала, можно будет договориться о двух дополнительных вечерах, — сказала я.

— Можно. Если за них заплатят и дадут нормальный график. Только не пиши «по согласованию», когда сама еще ни с кем не говорила.

Я зачеркнула эту формулировку.

Нина Петровна подвинула мне чистый лист.

— Вот теперь считай. Сначала людей, потом часы.

К концу разговора мой красивый план стал дороже. Зато впервые было понятно, кто в нем будет работать, а кто просто существовал в моем воображении.

* * *

В четверг я собиралась уйти вовремя. Мы с Асей договорились встретиться после работы в маленьком кафе возле ее дома. Она обещала принести фотографии ремонта, я — хотя бы два часа не открывать рабочую почту.

В половине пятого мне позвонила коллега. У нее заболел ребенок, а на вечер оставалась консультация семьи перед выпиской. Не сложная, как она сказала. Просто поговорить, ответить на вопросы, посмотреть, как они все поняли.

— Ты сможешь? Я бы никого не просила, но там температура и муж за городом.

Я посмотрела на часы. До кафе можно было доехать позже. Ася поймет.

— Смогу. Передай мне карту и что вы уже обсудили.

Разговор с семьей занял почти час. Оказалось, дома была лестница, о которой пациент раньше говорил «пара ступенек», а теперь дочь показала фотографию. Пара превратилась в узкий подъем с поворотом. Потом выяснилось, что кресло, которое обещали привезти, задерживалось. Мы меняли план, созванивались, записывали, кто и что сделает до утра.

Телефон в кармане завибрировал трижды. Я не могла ответить посреди чужой тревоги.

Когда все закончилось, часы показывали без двадцати семь. От Аси было два сообщения и пропущенный звонок.

«Ты едешь?»

«Я заказала. Если задерживаешься, скажи».

Я набрала ее, стоя в пустом коридоре.

— Ась, прости. У меня тут пришлось подменить...

— Я поняла. Ты могла написать?

— Могла. Потом пошло одно за другим.

— Полин, я уже сорок минут сижу. Мне к восьми домой надо.

Я закрыла глаза.

— Давай я сейчас выйду. Минут сорок...

— Не надо. Пока ты доедешь, я уйду. Давай в другой день.

Она не кричала и не обвиняла меня в том, что работа для меня важнее дружбы. От этого было хуже.

— Я должна была сразу предупредить, — сказала я.

— Да. Должна была.

Мы попрощались. Я еще несколько секунд держала телефон у уха, хотя связь уже закончилась.

По коридору прошла уборщица с ведром. Я посторонилась, пропуская ее к двери, и вдруг вспомнила Корсакова, который вчера говорил, что хотел закрепить успех. У него нашлось свое

убедительное объяснение лишней нагрузке. У меня — чужой больной ребенок и семья, которую нельзя было оставить с непонятной выпиской.

Все причины были настоящими. Ася все равно просидела одна.

Я отправила ей короткое сообщение без дальнейших оправданий: «Ты права. Я тебя подвела. В следующий раз сначала скажу, что изменилось, а не поставлю перед фактом».

Потом дописала последние записи и пошла переодеваться.

У выхода из отделения меня остановил Корсаков. Он сидел в кресле в маленькой общей гостиной, куда его сопровождали после ужина. Рядом лежала книга. Телефона не было видно.

— Полина Викторовна, можно один вопрос?

Я посмотрела на него и кивнула.

— Если это про завтрашнее расписание, оно уже готово.

— Нет. Про седьмое апреля.

Я опустила на свободный стул.

— Слушаю.

Он провел пальцем по корешку книги.

— Вы сказали, можно обсудить отдельные задачи. Что именно вы имели в виду?

Я попросила рассказать, что от него требовалось в тот день. На этот раз Артем Павлович не ограничился словом «мероприятие». Он объяснил, сколько предстояло ехать, где находился зал, сколько времени нужно было присутствовать и какую часть можно было поручить другому человеку.

По мере рассказа его выражение менялось. Он сам слышал, сколько в красивой дате было дороги, ожидания, лестниц и длительного сидения.

— Лично мне нужно выступить минут пятнадцать, — признал он в конце.

— Это можно сделать дистанционно?

— Можно. Но я хотел быть там.

— Я понимаю. Пока давайте рассматривать дистанционный вариант. И обсудим с командой, как его встроить в ваш день. По состоянию, а не только по календарю.

Он кивнул, не споря. Потом спросил:

— Вы всегда так разговариваете?

— Как?

— Будто я сам должен прийти к выводу, который вам с самого начала известен.

Я невольно улыбнулась.

— Иногда вывод оказывается другим. Поэтому я и спрашиваю.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— А сегодня какой был?

Я на секунду задумалась, стоит ли отвечать. Потом сказала:

— Что я могла предупредить подругу о задержке до того, как она сорок минут меня прождала.

— Работа?

— Работа.

— Уважительная причина.

— Да. Только предупредить она мне не мешала.

Корсаков опустил глаза на книгу. Мне показалось, он хотел что-то сказать, но передумал.

— Не буду вас задерживать, — произнес он.

Я встала.

— Спасибо. До завтра.

— До завтра, Полина Викторовна.

У двери я обернулась. Он уже раскрыл книгу, придерживая страницу большим пальцем. В этой привычной, немного рассеянной позе я впервые увидела его вне разговора о ноге и сроках. Обычного мужчину, которому тоже не удался день.

И почему-то запомнила именно это.

* * *

В пятницу утром мне удалось не опоздать к Назаровой. Я принесла новый расчет и заранее решила, что на этот раз не буду предлагать себя в качестве бесплатного решения каждой проблемы.

Решение продержалось семь минут.

— На первые две недели я могу взять организационные звонки, — сказала я, когда мы дошли до строки с администратором.

Елена Борисовна подняла глаза.

— А потом?

— Потом посмотрим по нагрузке.

Она молча постучала ручкой по листу.

Я выдохнула.

— Хорошо. Эту строку не убираем.

— Не убираем, — согласилась она. — Стало лучше. Теперь у нас есть предмет для разговора с финансовым директором. Но мне нужно понимать, сколько людей реально готовы приходить в это время, а не просто говорят, что вечером удобнее.

Мы обсудили, какую информацию можно собрать без обещаний пациентам, которых центр пока не мог выполнить. Я вышла с очередным заданием и неожиданным облегчением. Мне не сказали ни «да», ни «нет», зато впервые речь шла о работе программы, а не о моей готовности однажды лечь под ней костями.

В коридоре я набрала Асю. Она ответила не сразу.

— Я на минуту, — предупредила я. — Сегодня до пяти свободна. Если ты хочешь, я могу заехать и привезти тебе ужин. Без кафе и ожидания.

— Сегодня мы к родителям, — сказала она.

— Поняла. Тогда не буду мешать.

— Полин.

— Да?

— Я не перестала с тобой дружить. Просто вчера рассердилась.

От этих слов защипало глаза, совершенно некстати для рабочего коридора.

— Я знаю.

— Давай девятого апреля попробуем еще раз, в среду. Раньше я совсем не могу. Только если опять что-нибудь изменится, напиши сразу.

— Напишу.

После разговора я постояла возле окна, дожидаясь, пока лицо примет привычное выражение. Иногда принять простое прощение оказывалось труднее, чем выслушать длинную претензию. С претензией можно было спорить. Здесь оставалось только в следующий раз поступить иначе.

В отделении меня догнал Кирилл.

— Корсаков спросил, будем ли сегодня увеличивать.

— И что ты ответил?

— Что посмотрим, как пройдет занятие. Он сказал: «Я так и думал».

— Недоволен?

Кирилл пожал плечами.

— Скорее на себя.

На занятии Артем Павлович слушал внимательнее. Он все еще пытался угадать, какой ответ позволит двигаться быстрее, но, когда Кирилл попросил не приукрашивать ощущения, сам остановился на полуслове.

— Тянет сильнее, чем вначале, — сказал он. — Хотел сказать, что нормально.

— Спасибо, — ответил Кирилл. — Это нам полезнее.

Я сделала пометку. Генерал заметил движение ручки.

— Пятерку поставили?

— Записала то, что вы сказали.

— Жаль. За пятерку я бы старался.

— Вы и без нее стараетесь, — ответила я. — Иногда слишком.

Он не обиделся. Впервые за день улыбнулся открыто, и я невольно задержала взгляд. Улыбка меняла его сильнее, чем я ожидала: лицо становилось живее, появлялось что-то мальчишеское, совершенно не связанное с возрастом. Потом он снова сосредоточился на движении, и я опустила глаза в карту.

После занятия мы обсудили ближайшие дни. Рудин уточнил ограничения, Кирилл — задачи. Артем Павлович попросил записать, что именно он может делать самостоятельно, хотя лист с этим уже лежал у него в палате.

— Я хочу, чтобы мы одинаково это понимали, — объяснил он.

— Хорошо, — сказала я. — Пройдем еще раз.

Мы прошли. На этот раз он задавал вопросы, которые раньше, видимо, считал слишком мелкими. Можно ли выйти в гостиную после ужина, если днем устал? Кому сообщить, если ночью хуже? Что делать, если кажется, что разрешенного мало?

На последний вопрос Кирилл ответил:

— Сказать мне. Не добавлять самому.

— Вы, конечно, скажете, что пока не надо.

— Может быть. А может быть, предложу другое. Но сначала мне нужно услышать вопрос. Корсаков подумал и кивнул.

Я вышла из палаты последней. Он окликнул меня уже у двери:

— Полина Викторовна, в воскресенье вы будете?

— На коротком обходе. Дальше дежурный врач.

— Тогда в воскресенье покажу, как выполнял. Чтобы в понедельник опять не начинать с неприятностей.

Это прозвучало деловито. Я тоже ответила деловито, но всю дорогу до ординаторской помнила его улыбку и сердилась на себя за то, что вообще придавала ей значение.

* * *

В субботу я поехала выбирать диван. Старый еще держался, только одна пружина время от времени напоминала о себе под правым бедром. Мне хотелось купить в квартиру что-нибудь, кроме продуктов и бытовой химии. Увидеть вещь, которую я выбрала сама и которой буду пользоваться долго.

В магазине пахло новой тканью. Продавец предложил присесть на серый диван, потом на зеленый, потом на тот, который стоил почти вдвое дороже моего бюджета.

— Зато механизм надежнее, — сказал он.

Я разложила дорогой диван. Механизм действительно двигался приятно. Так же приятно, наверное, двигались многие вещи, которые я не могла себе позволить.

— А этот? — спросила я, возвращаясь к серому.

— Тоже хороший вариант. Только матрас попроще.

Я села. Представила, как буду лежать вечером с книгой, а потом вспомнила, что сначала нужно измерить стену. Дома я почему-то решила, что прекрасно помню все размеры.

— Можно я сфотографирую?

— Конечно. Если сегодня оформите, доставка со скидкой.

— Сегодня не оформлю.

Он кивнул, и я сразу почувствовала себя лучше. Короткого отказа оказалось достаточно. Не требовалось рассказывать незнакомому человеку о моей ипотеке, об отложенном ремонте и о том, что месяц назад я уже купила новую зимнюю резину.

На выходе позвонила мама.

— Ты работаешь?

— Нет. Смотрела диваны.

— Наконец-то. Тот уже совсем продавился?

— Еще держится.

— У нас на даче есть хороший. Мы почти не пользуемся.

— Мам, он огромный.

— Зато крепкий. И платить не надо.

Я остановилась у витрины. За стеклом стояла гостиная, в которой никогда не будут сушить носки и есть над клавиатурой. Мне вдруг стало очень жаль себя — из-за пустяка, которого даже стыдно было назвать.

— Я хочу свой, — сказала я.

Мама помолчала. Потом спросила:

— Тебе денег добавить?

— Не надо. У меня есть на тот, который нужен. Просто пока не выбрала.

— Хорошо. Только не бери слишком светлый. Ты же на нем кофе пьешь.

Я рассмеялась.

— Это правда.

Она рассказала про рассаду, я пообещала приехать в апреле. После разговора решила не ехать сразу домой. Прошла до книжного, купила небольшой альбом для рисования и карандаш. Продавщица спросила, нужен ли пакет. Я сказала, что нет, и положила покупку в сумку рядом с рулеткой, которую все-таки успела взять, но так и не использовала.

Дома измерила стену. Дорогой диван не помещался. Серый тоже требовал переставить стол. Я нарисовала план комнаты, потом еще один, уже аккуратнее. Карандаш скользил по бумаге, за окном медленно темнело. Это был редкий вечер, когда я занималась чем-то без необходимости закончить к утру.

В десять пришло рабочее письмо. Я увидела заголовок, открыла, прочитала первые две строки. Рука сама потянулась к ноутбуку.

Потом я посмотрела на свой кривой план. На нем стол почему-то оказался вдвое больше кухни. Нужно было исправить.

Я закрыла письмо. Если бы случилось что-то срочное, мне бы позвонили.

Перед сном отправила Асе фотографию дивана. Она ответила через полчаса: «Красивый. Ты размеры проверила?»

«Теперь да».

«Не покупай до нашей встречи. Хочу посмотреть ткань».

Я улыбнулась экрану. Мы все еще дружили. Она все еще собиралась участвовать в моей жизни, даже если я иногда вела себя как человек, у которого, кроме работы, ничего нет.

На ночь я оставила альбом на столе. В нем был всего один рисунок, к тому же совершенно технический. Но почему-то хотелось утром увидеть его снова.

* * *

В воскресенье центр был тише. В холле пахло выпечкой из буфета, в саду начали выставлять на солнце скамейки. На одной из них рабочий менял сломанную планку. Я заметила это, пока поднималась по лестнице: впервые за неделю взгляд задержался на чем-то, что не требовало моего участия.

Корсаков ждал с аккуратно заполненным листом. Записи были короткими: время, самочувствие, замечания. Я не просила вести такой подробный дневник, и он, поймав мой взгляд, сразу сказал:

— Не ругайте. Это я сидя делал.

— За записи ругать не буду.

Я прочитала. Он действительно оставил место для неприятного: отметил, когда понадобился отдых, когда не получилось, когда попросил помощь. В середине страницы было зачеркнуто «нормально», а рядом написано несколько более точных слов.

— Как прошли выходные? — спросила я.

— Скучно. Зато без приключений.

— Это сейчас хороший результат.

Он кивнул. По лицу было видно, что хороший результат его не особенно радовал.

— А что вас больше всего раздражает в обычном дне? — спросила я. — Если убрать работу и седьмое апреля.

— Одеваться.

Ответ прозвучал сразу.

— Что именно?

Он посмотрел на свои брюки.

— Утром ждать, пока кто-нибудь сможет помочь. Просыпаюсь рано. Потом лежу, потом зову. Все приходят, я не жалею. Просто...

Он замолчал, и я подождала.

— Мне сорок семь лет, — закончил он. — Я хотел бы хотя бы брюки надеть сам.

Ни шутки, ни раздражения в голосе не было. Только усталость от одного повторяющегося действия, которое каждый день напоминало ему о травме.

— Давайте сделаем это отдельной задачей, — сказала я. — Обсудим с Кириллом и остальной командой, как организовать утро, что вам мешает и что можно приспособить. Не обязательно делать все прежним способом.

— Вот это как раз не нравится.

— Что придется делать иначе?

— Да.

— Мне тоже не все нравится в новых способах, — призналась я. — Но иногда они работают.

Он посмотрел на меня и чуть улыбнулся.

— У вас есть пример?

— Я попросила на свой проект отдельного сотрудника вместо того, чтобы записать туда еще несколько собственных вечеров.

— И дали?

— Пока нет. Но хотя бы посчитали честно.

— То есть пример еще в разработке.

— Именно.

Он рассмеялся негромко, без привычного сухого оттенка. Я улыбнулась в ответ.

Мы записали цель: самостоятельно подготовиться к утреннему выходу на занятия, включая одежду, в пределах согласованных ограничений. Не к завтрашнему утру любой ценой. Сначала разобраться с тем, что мешало, и научиться безопасному для него порядку действий.

Корсаков перечитал строку, затем повернул лист ко мне.

— Вы дату не поставили.

— Поставим дату первой проверки. Во вторник. Это подойдет?

Он взял ручку.

— Подойдет.

Я поднялась. В коридоре показалась Нина Петровна: меня ждали еще в двух палатах, пора было продолжать обход.

— Полина Викторовна.

Я обернулась.

— Спасибо, что спросили про утро.

— Пожалуйста.

В коридоре я на секунду остановилась, прежде чем открыть следующую дверь. За эту неделю он успел рассердить меня, утомить, заставить дважды пересматривать день. Но поблагодарил сейчас так просто, что отвечать привычным профессиональным голосом оказалось неожиданно трудно.

Я выпрямила бейдж и пошла дальше.

Глава 3. Без свидетелей

Мария Корсакова пришла во вторник, первого апреля, с длинным картонным тубусом и пакетом мандаринов. Я встретила ее у поста, когда она пыталась одновременно достать телефон, удержать тубус и не уронить пакет.

— Давайте помогу, — предложила я.

— Если можно, вот это. Только вертикально, пожалуйста.

Она передала мне тубус с такой осторожностью, что я невольно выпрямилась.

— Там что-то хрупкое?

— Репутация. Я третий раз переделывала, очень не хочется начинать четвертый.

Мы улыбнулись друг другу. Мария была похожа на отца постановкой головы и тем, как смотрела прямо, ожидая ответа. На этом сходство, по крайней мере с первого взгляда, заканчивалось. На ней было длинное зеленое пальто, на шее — тонкий шарф с неровно завязанными концами. Из пучка торчал карандаш. Я подумала, что если бы попробовала закрепить волосы таким способом, карандаш потерялся бы еще в лифте.

— Полина Викторовна? — спросила она, прочитав бейдж.

— Да.

— Папа про вас говорил.

Я почувствовала странное желание узнать, что именно. Вместо этого ответила:

— Он сейчас свободен. Я собиралась зайти к нему через несколько минут. Могу позже.

— Нет-нет, заходите. Я ненадолго. Он еще не знает, что я приехала.

Мария убрала телефон и забрала у меня тубус. Я показала ей палату, а сама вернулась за картой.

Утром Артем Павлович впервые сам подготовился к части обычных дел с меньшей помощью персонала. Цель, которую мы записали в воскресенье, целиком пока не далась. Зато выяснилось, какие именно действия занимали больше всего времени и что можно было изменить. Он встретил это без энтузиазма, но уже не объявлял приспособления признаком капитуляции.

Когда я подошла к палате, дверь была приоткрыта.

— Ты сначала договор пришли, — говорил Корсаков. — Я посмотрю.

— Пап, я не про договор. Я тебе показываю, что им понравилось.

— Мне тоже нравится. Но работа должна оплачиваться нормально.

— Она нормально оплачивается.

— За сколько времени?

Я постучала. Мария стояла у стола, разложив на нем листы. Артем Павлович сидел в кресле, держал один из рисунков за угол и смотрел поверх него на дочь.

— Я не помешаю? — спросила я.

— Нет, — одновременно ответили оба.

Мария улыбнулась мне, но улыбка вышла натянутой. Я уточнила у пациента самочувствие после утреннего занятия, спросила о том, что нам нужно было проверить сегодня. Он отвечал, время от времени поглядывая на рисунок.

На бумаге был изображен город: тесные дома, лестницы, крошечные люди на балконах. В одном окне женщина поливала цветы, в другом мальчик держал над головой большую рыбу. Я узнала стиль раньше, чем поняла, откуда.

— Это ваше? — спросила я Марию.

— Да. Разворот для сборника.

— Кажется, я видела похожую работу. В книге про почтальона.

Она оживилась.

— С красным велосипедом?

— Да. Я купила ее дочке подруги. Все никак не передам.

— Это мой первый большой заказ был.

Корсаков посмотрел на дочь, потом на меня. На его лице появилось такое открытое удовольствие, что я чуть не улыбнулась ему в ответ, хотя разговор был совсем не о нас.

— Вы бы видели, сколько она этот велосипед рисовала, — сказал он.

— Папа, пожалуйста.

— Что? Хороший велосипед.

— Он был ужасный. Поэтому и рисовала.

Мария выровняла листы, осторожно постучав краями по столу. Я закончила свои вопросы и собиралась уходить, когда Артем Павлович вернулся к прежней теме:

— В любом случае пришли мне условия. Я могу поговорить с человеком, который занимается изданием учебной литературы. У них всегда нужны художники.

Дочь перестала складывать листы.

— Мне не нужна работа в учебной литературе.

— Ты даже не знаешь, что они предложат.

— Пап, я знаю, что хочу делать.

— В двадцать три года это иногда кажется.

В палате стало тихо. Я почувствовала, как неловко держать в руках открытую карту, будто она давала мне право оставаться при любом разговоре.

— Я зайду после обеда, — сказала я. — Артем Павлович, если что-то изменится, сообщите через пост.

Он кивнул, не сразу оторвав взгляд от дочери. Мария сказала мне спасибо за книгу. Я не стала объяснять, что благодарить следовало как раз ее.

За дверью я задержалась только для того, чтобы закрыть карту. Их голосов больше не слышала.

* * *

После обеда Корсаков встретил меня один. Рисунков на столе не было, только пакет мандаринов и один очищенный плод на бумажной салфетке.

— Дочь уехала? — спросила я.

— Да. У нее встреча.

Он сказал это сухо, и я не стала уточнять. Мы вернулись к утренним задачам. Артем Павлович показал, что получалось, рассказал, где нужна была помощь. В какой-то момент он раздраженно отодвинул от себя приспособление, которое предложила команда для одежды.

— Все равно быстрее позвать человека.

— Сейчас — возможно. Но вы хотели попробовать сами.

— Я хотел уметь. Это немного другое.

Он поднял глаза. На последнем слове голос стал резким; Корсаков замолчал, стиснув край стола.

Я перестала делать пометки.

— Давайте сегодня разделим. Что вам действительно трудно из-за ноги, а что просто неудобно, потому что вы пока не привыкли?

— Вы сейчас хотите, чтобы я сам себя уговорил?

— Нет. Хочу, чтобы мы не меняли то, что работает, только потому, что первые несколько попыток неприятны.

Он откинулся на спинку кресла. Потом назвал одно движение. Мы обсудили, как его лучше организовать, и я позвала Кирилла, чтобы не давать разных указаний по одному и тому же поводу.

На этот раз Артем Павлович задавал вопросы без насмешки. Кирилл спокойно объяснял, показывал на предметах, ждал, пока пациент попробует. Я наблюдала и отмечала то, что следовало учесть дальше.

В конце Корсаков устало потер лицо.

— Вот мы сейчас втроем занимались тем, что у меня раньше занимало минуту.

— Нам важно, чтобы вы потом могли делать это без нас, — сказал Кирилл.

Артем Павлович кивнул, но не посмотрел на него. Только после того, как инструктор вышел, спросил:

— Вы не могли бы закрыть дверь?

Я закрыла.

— Что-то еще беспокоит?

Он некоторое время молчал. Я уже собиралась предложить вернуться к разговору позже, когда он сказал:

— Маша сегодня посмотрела на меня так, будто я ничего не понимаю.

— Возможно, в ее работе есть вещи, которых вы действительно не знаете.

— Я не про рисунки. Я про условия. Человеку предлагают несколько проектов сразу, она радуется, не считая, сколько времени это займет.

Я вспомнила свою таблицу и благоразумно промолчала.

— Я хотел, чтобы она не продешевила, — продолжил он. — Чтобы потом не пришлось ночами сидеть.

— Вы ей это сказали?

— Разумеется.

— Я слышала, как вы предложили другую работу.

Он посмотрел на меня и нахмурился.

— То есть вы на ее стороне.

— Я не знаю всего разговора. И не буду решать, кто из вас прав. Вы спросили, почему она могла рассердиться. Я услышала только часть и отвечаю про нее.

Он опустил глаза на мандарин. Отделил дольку, подержал в пальцах и положил обратно.

— Раньше проще было.

— Когда она была маленькой?

— Да. Можно было сказать: это опасно, туда не ходи. Или купить нормальные ботинки вместо красивых, которые промокают. Ты хотя бы понимал, что от тебя требуется.

В этой фразе было столько искреннего недоумения, что я перестала видеть перед собой человека, пытавшегося утром командовать взрослой дочерью. Он и правда не знал, куда деть заботу, если ее больше не принимали в прежнем виде.

— А сейчас она пришла показать рисунки, — сказала я.

Он медленно кивнул.

— Показала.

Я не стала продолжать. У меня было достаточно опыта, чтобы знать, как легко превратить чужое признание в лекцию, после которой человек больше ничего не расскажет.

Мы закончили разговор о самочувствии. Я уже складывала бумаги, когда он спросил:

— Книга с велосипедом вам действительно понравилась?

— Да. Особенно разворот, где кошка сидит в почтовой сумке. Я сначала покажу девочке этот разворот.

Корсаков улыбнулся, глядя в сторону.

— У нас была такая. Только в сумки не садилась. В ботинки любила.

— Помещалась?

— В мои — да. Пока маленькая была.

Я рассмеялась. Он тоже. На этот раз мы оба не стали сразу возвращать лицам рабочую серьезность.

* * *

В среду к Корсакову приехал коллега. Я увидела его у двери: невысокий, плотный мужчина держал под мышкой папку, а в свободной руке — пакет с книжным логотипом. Он отступил, пропуская меня, и спросил, можно ли сейчас зайти.

— У нас встреча через пятнадцать минут. Если ненадолго.

— Мне хватит десяти, — сказал он с уверенностью, которой я давно перестала доверять.

Корсаков представил нас. Глеб Чернов пожал мне руку, назвал имя-отчество, которое я тут же потеряла среди вопросов утреннего обхода, и отдал другу пакет.

— С твоего стола. Ты просил.

Артем Павлович достал старый приключенческий роман. Корешок был подклеен прозрачной лентой. Между страницами торчал листок с цифрами.

— А вот где я его оставил, — сказал он, забирая листок.

— Я сначала решил, что это новый конец. Он мне не понравился.

Корсаков усмехнулся. Я уточнила самочувствие, напомнила о времени занятия и вышла. Через десять минут, проходя мимо, услышала их голоса. Дверь оставалась открытой.

— Он знает материал, — говорил Артем Павлович. — Но после его занятия никто не может ответить, что именно должен уметь.

— Он считает, что это они плохо слушают.

— Тогда пусть сначала даст им задачу. Одну. А потом посмотрит, что получится.

— Ты ему так и скажи.

— Я уже говорил. Сейчас скажешь ты.

Последняя фраза прозвучала с усилием. Глеб заметил это и засмеялся.

— Справлюсь. Ты только потом не звони ему отдельно с теми же словами.

Я остановилась у поста, чтобы взять нужный документ. Через минуту Глеб вышел в коридор. Увидел меня, показал на часы.

— Одиннадцать минут. Почти уложился.

— Неплохой результат.

— Для нас — выдающийся.

Он убрал папку в портфель, но не ушел сразу.

— Вы не подумайте, — сказал он тише, — он умеет слушать. Просто иногда сначала надо убрать из комнаты все, что он может переставить.

Я улыбнулась. Глеб тоже.

— Я не о лечении, — добавил он. — Тут я ничего не понимаю. Это вообще.

Он попрощался и ушел. Я осталась у поста с документом в руках. За последние дни многое видела в Артеме Павловиче: нетерпение, страх, раздражение, старательно спрятанные под деловым тоном. Сейчас вдруг услышала, как он говорит о человеке, за которого отвечает, — точно, без желания унижить. Ему действительно было важно, чтобы тот научился работать лучше.

Когда я вошла в палату, он убирал книгу на тумбочку.

— Глеб вас не задержал?

— Нет. Мы познакомились.

— Он наверняка успел что-нибудь сообщить обо мне.

— Только общие сведения.

Корсаков посмотрел с подозрением, но расспрашивать не стал. Вместо этого взял очки и попытался положить их в футляр, который оказался занят маленькой отверткой.

— Это еще откуда?

Он достал отвертку. Я не выдержала и засмеялась.

— Вы что-то собирались ремонтировать?

— Стол дома шатался. Видимо, взял и забыл.

— Получилось?

— Стол? Да. С очками теперь сложнее.

Он положил отвертку в ящик, очки — в футляр. На короткое время передо мной оказался человек из обычного дома, с шатким столом и вещами не на своих местах. Мне понравилось это ощущение. Слишком понравилось для такой незначительной подробности.

На занятии ему пришлось снова просить помощь там, где утром он надеялся обойтись без нее. Он раздраженно выдохнул, но Кирилла не торопил. Когда закончили, сказал:

— Устал больше, чем рассчитывал.

Мы скорректировали оставшийся день. Он слушал, не пытаясь доказать, что способен на большее. Только в конце спросил, можно ли после отдыха немного поработать с книгой.

Я посмотрела на приключенческий роман.

— Это у вас тоже работа?

— Нет. На этот раз действительно чтение.

— Тогда так и называйте. Отдых.

Он открыл книгу, нашел нужную страницу и улыбнулся.

— Непривычное слово.

* * *

В четверг утром Полина Крылова, врач и взрослый ответственный человек, разбила дома чашку, опоздала к машине на семь минут и забыла пропуск в кармане другого пальто.

Последнее обнаружилось уже у входа в центр. Охранник меня узнал, но документы все равно пришлось доставать, а затем идти за временным пропуском. Пока администратор оформляла бумагу, я смотрела на собственное отражение в темном стекле и пыталась понять, почему волосы с одной стороны лежали ровно, а с другой жили отдельной жизнью.

— Полина Викторовна, распишитесь, — сказала девушка.

Я расписалась и побежала переодеваться.

К обходу удалось собраться. Только из кармана куртки торчала салфетка, которой я утром вытирала пролитый кофе с сумки. Я обнаружила ее уже в палате Корсакова.

— Плохое утро? — спросил он.

— Обычное. Просто несколько вещей решили случиться одновременно.

— Знакомо.

Он не стал выяснять подробности. Я убрала салфетку, открыла карту и почувствовала благодарность за эту сдержанность.

После осмотра у него возник вопрос о выходных. Мария собиралась приехать в воскресенье. Можно ли будет посидеть с ней внизу, в холле, а не в палате?

Мы обсудили, как он доберется до холла и сколько сможет там побыть с учетом занятий. Он записал время и сам предложил предупредить дочь, чтобы она не приезжала слишком рано.

— Она снова придет с рисунками? — спросила я.

— Не знаю. Надеюсь.

— Вы поговорили?

— Позвонил вчера. Попросил прислать то, что она хотела показать. Без условий.

Он сделал паузу.

— Я имею в виду без договора. Условия у работы, конечно, есть.

— Я поняла.

— Она сначала спросила, зачем. Потом прислала.

Он достал телефон, открыл переписку и повернул экран ко мне. На фотографии было несколько листов с небольшими смешными существами, похожими одновременно на птиц и рассерженных бухгалтеров.

— Кто это? — спросила я.

— Я тоже спросил. Оказалось, лесные хранители порядка.

Один из хранителей держал огромную печать и явно собирался поставить ее на чужой хвост. Я не удержалась от смеха.

— Очень узнаваемо.

— Маша сказала, что этот особенно удался.

Он улыбался рисунку, забыв, что собирался убрать телефон. Я подождала, давая ему досмотреть.

— Хорошо, что она прислала, — сказала я.

Корсаков кивнул и убрал телефон.

Когда я вышла из палаты, настроение было заметно лучше. Чашка все еще была разбита, пропуск лежал дома, а на сумке, вероятно, остался след кофе. Но день перестал казаться сплошной полосой мелких неудач.

* * *

В пятницу после занятий Артем Павлович спросил, как продвигался мой проект. Я сначала не поняла, о чем он.

— Вечерние приемы, — напомнил он. — Вы говорили, что попросили человека вместо собственных дополнительных смен.

— Пока собираю информацию. Руководству нужно понять, сколько пациентов действительно будут приходить.

— А вы как считаете?

— По обращениям и по тем, кто отказывается из-за времени.

— Просто спрашиваете: вам удобно вечером?

— Не совсем. Уточняем, когда человек может добраться, кто его сопровождает, какой формат нужен.

Он кивнул.

— Тогда лучше. На «удобно ли вечером» я бы тоже ответил да. А потом выяснилось бы, что у меня каждый вечер что-нибудь назначено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.